

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

HISTORY OF PHILOSOPHY

УДК 1(091); 930
ББК 60.033.145:63.3:81.41

Алексей Валерьевич Малинов

Санкт-Петербургский государственный университет, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры русской философии и культуры, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: a.v.malinov@gmail.com

Ленка Налдониова

Остравский университет, PhD, доцент кафедры философии, Чешская Республика, Острава, e-mail: Lenka.Naldoniova@osu.cz

Виктор Александрович Куприянов

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники имени С. И. Вавилова РАН, кандидат философских наук, старший научный сотрудник; Социологический институт РАН - филиал ФНИСЦ РАН, ассоциированный научный сотрудник, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: nonignarus-artis@mail.ru

В.И. Ламанский

Письмо второе

Об умственном и литературном общении русских с их соплеменниками (продолжение)¹

Публикация и примечания В.А. Куприянова, А.В. Малинова и Л. Налдониовой

Aleksey Valeryevich Malinov

St. Petersburg State University, Doctor in Philosophy, Professor, Department of Russian Philosophy and Culture, Russia, St. Petersburg, e-mail: a.v.malinov@gmail.com

Lenka Naldoniova

University of Ostrava, PhD, Assistant Professor, Department of Philosophy, Czech Republic, Ostrava, e-mail: Lenka.Naldoniova@osu.cz

Victor Alexandrovich Kupriyanov

St. Petersburg Branch of the S.I. Vavilov Institute for the History of Natural Science and Technology, Russian Academy of Sciences. D. in Philosophy, Senior Researcher; Sociological Institute of RAS - Branch of the Russian Academy of Sciences, Associated Researcher, Russia, Saint-Petersburg, e-mail: nonignarus-artis@mail.ru

¹ Начало публикации см.: Соловьёвские исследования. 2022. Вып. 1(73). С. 132–137. Публикация и примечания подготовлены В.А. Куприяновым, А.В. Малиновым и Л. Налдониовой в рамках проекта РФФИ (грант № 20-011-00071).

V.I. Lamansky
The second letter.
On the intellectual and literary communication
of Russians with their fellow tribesmen
(continued)

The publication and notes were prepared
by V.A. Kupriyanov, A.V. Malinov and L. Naldoniovа

DOI: 10.17588/2076-9210.2022.2.077-086

Не разделяя, таким образом, взгляда Запада на христиан восточных, как на каких-то отверженных илотов, не имеющих никакого голоса в делах веры и только обязанных ему безропотным послушанием, – чехи отнюдь не питали и дикой, безумной ненависти к немцам, к иноплеменникам, в чем нас убеждают и права, предоставленные немецким гуситам в Праге и приведенные нами отрывки из стихотворения и манифеста чешских к немцам, а, наконец, и те знаки сочувствия, которые оказывали чехам-гуситам бедные, угнетенные классы народа во Франции². Нет сомнения, как уже заметил великий историк чешский, Палацкий, –

² *Примечание Ламанского:* Во Франции, где чистое христианство в период Галльский глубоко пустило свои корни, где еще в IV и V вв. происходили церковные соборы в истинном христианском духе, где убеждения мыслителей: Пор-Рояля, Паскаля и Фенелона обнаруживали сильные стремления к более чистому, неискаженному Римом христианству, – во Франции, где, как в Дофине, народ посылал денежные пособия гуситам чешским, где катары и альбигойцы находились в прямых связях с славянскими богумилами, – неоднократно уже раздавались голоса, живо и радостно приветствовавшие возрождение славян, беспристрастно и правдиво ценившие их исторические заслуги. Напомню только Санда, метко понявшего Жижку и гуситов, Бонншоца, который так верно и превосходно уразумел значение Гуса: «Il était réservé à la petite ville de Constance de donner un spectacle, que le monde n'avait pas vu depuis des siècles: là, un home seul affaibli par une longue prison et par les maladies, isolé de quelques amis dispersés et tremblants, résista fort de L'Évangile et de sa conscience, à tout ce que l'autorité extérieure peut mettre en oeuvre pour intimider et maîtriser les âmes; il ne fléchit pas sous l'effort de toutes les puissances spirituelles conjurées avec les temporelles; Jean Hus enfin, par son exemple plus encore que par ses doctrines, rouvrit au monde chrétien une voie longtemps fermée; et s'il est permis de comparer le sacré au profane, il fit dans la sphère de la religion et de la morale ce que plus tard fit Colomb dans le monde extérieur et physique; il découvrit une empire nouveau, ou, pour mieux dire, il retrouva un domaine oublié depuis des siècles, celui de la conscience en matière de foi. L'examen était un champ interdit à tous: Hus y revint, au milieu de sinistres clameurs ets. – Par sa foi, par son courage en présence du tribunal le plus élevé dans l'opinion des hommes, par l'immense retentissement de ses vertus, de sa condamnation et de son supplice, il fit comprendre à une partie de l'Europe le droit sacré de cette liberté intérieure qui, saintement employée, fait le chrétien sur le trône comme dans les fers; Jean Hus, en un mot, contribua fortement à rappeler le christianisme à son caractère, qui est celui de la religion du coeur, à son esprit, qui est un esprit de vie, de progrès et de liberté...».

владей тогда чехи типографским станком, этим верным союзником и другом народов, – дело их кончилось бы иначе и они сумели бы разработать в свою пользу общественное мнение на Западе и поднять весь народ в Европе не только против пап и прелатов, но против всех тяжёлых феодальных порядков, происшедших из завоевания и державшихся на грубой силе, с одной, и невежестве, с другой стороны. Так по крайности заключать надо по тому сочувствию, которое встретило учение Гуса не только во Франции, но и в Германии, а также и по той энергии, которую прилагали тогда чехи к распространению своих идей, приводивших в отчаяние тогдашний казённый, официальный Запад. Император Си-

Примечание публикаторов: Пер. французской фразы: «Его скрыли в маленьком городке Констанце для того, чтобы представить спектакль, каковой мир не видел веками: там человек, ослабленный долгим заключением и болезнями, изолированный от нескольких разбросанных и трепещущих друзей, опираясь на Евангелие и свою совесть, противостоял всему тому, что внешний авторитет мог осуществить, чтобы запугать и подавить души; он не согнулся под усилиями всех духовных властей, закливаемых также и светскими властями; наконец, скорее своим примером, нежели учением. Ян Гус вновь открыл христианскому миру путь, который долго был закрыт; и, если можно сравнить священное с мирским, в сфере религии и морали он сделал то, что позднее сделал Колумб в мире внешнем и физическом; он открыл новую империю, или, лучше сказать, он вновь нашел область, забытую веками, – совесть в делах веры. Обсуждение было сферой, запрещенной для всех: Гус в нее снова вернулся среди зловещих криков. Своей верой, отвагой перед судом, возвышенный в мнении людей, огромным воздействием своей доблести, осуждением и казнью, он внушил части Европы священное право этой внутренней свободы, которая, свято использованная, ставит христианина на трон также и в кандалах; Ян Гус, одним словом, решительно напомнил христианству о его характере, заключающемся в религии сердца, духа, который есть дух жизни, прогресса и свободы». (Цит. по: *Palacky F. Dějiny národu českého. D. III. Č. 1. Praha: J.G. Calve, 1851. Str. 197–198.*)

В своем примечании В.И. Ламанский, возможно, имеет в виду так называемые арелатские соборы, которые на протяжении IV–V вв. регулярно собирались в г. Арль (Арелат) на территории Римской Галлии. Интересно, что среди православных поместных церквей эти соборы не пользуются авторитетом; более того, например, собор 353 г. встал на сторону арианства и осудил Афанасия Великого. Поэтому утверждение В.И. Ламанского о «соборах в истинно христианском духе» является весьма провокативным по отношению к принятой православной догматике. *Пор-Рояль* – цистерцианский монастырь во Франции, ставший в XVII в. центром янсенизма, к которому принадлежали работавшие в этом монастыре Б. Паскаль, А. Арно и ряд других ученых. Важнейшим вкладом мыслителей Пор-Рояля в науку, помимо их достижений в математике, является «Грамматика Пор-Рояля» Арно и Лансло и «Логика Пор-Рояля» Арно и Николя. *Франсуа Фенелон* (1651–1715) – французский богослов и писатель, перу которого принадлежит известный роман «Приключения Телемака», трактат «О воспитании девиц», «Трактат о существовании Бога» и ряд других работ. *Катары, альбигойцы, богомилы* – средневековые еретические течения в христианстве; катары (альбигойцы) – течение, распространенное на территории Западной Европы, в то время как богомилы – течение, имевшее место на Балканах. Действительно, между этими проявлениями средневекового религиозного свободомыслия прослеживается определенное сходство. Далее, видимо, имеется в виду французская писательница Ж. Санд и французский историк Э. де Бонншоз (1801–1875), автор «Истории Франции» (16 т.) и «Истории Англии» (4 т.). Тематике, связанной с гуситами, Бонншоз посвятил отдельное произведение «Реформаторы до Реформации (XV век): Ян Гус и Констанцкий Собор» (2 т.).

гизмунд³, призывая всех немецких князей помочь ему против зловерных чехо-еретиков, говорил им, что это дело касается всего христианства, что эта зараза может проникнуть и в их княжеские земли. Сигизмунд не был неправ. Хотя люди, заинтересованные удержанием старых порядков, и употребляли все усилия, чтобы возбудить в народных массах на Западе ненависть ко всему чешскому, распускали о чехах всякий вздор и нелепости, с кафедр провозглашали будто бы чехи предались язычеству, вызывают на пражских площадях злого духа в виде белого барана и т. д., хотя официальная Европа и старалась поставить всевозможные преграды против распространения чешских идей в угнетённых своих массах, – однако они проникали не только в славянскую Венгрию и Польшу, в которой, по великому её несчастию, учение Гуса хотя и встретило живое сочувствие, но в народе распространиться и утвердиться не успело: римско-немецкое направление слишком глубоко пустило в ней свои корни, – но и в Германию. Большой епископский собор в Зальцбурге, около 1420 г.⁴ грозил казнь тем проповедникам, которые осмелились бы выражать какие-нибудь мнения в смысле Виклефа или Гуса; Яков Бремер в Магдебурге и Ульрик Грюнледер в Дрездене были сожжены за свою приверженность к идеям Гуса⁵; отдан был приказ, сначала жителям дрезденским и бамбергским, а после, по определению имперского сейма, всей Германии и Швейцарии, – о том, чтобы каждый, старше 12-ти лет, дал присягу в том, что будет верно стоять и всячески помогать против еретиков-чехов. На севере, в старой Пруссии и Бранденбурге, даже в Нидерландах, не мало находилось духовных лиц, которых тогда обвиняли в приверженности к чешским учениям. В доказательство же, что чехи понимали значение пропаганды и прилагали к ней свои заботы, довольно энергические, можно указать на то обстоятельство, что манифесты и циркуляры их (вероятно, вроде того, отрывок из которого приведен нами), проникали даже в Испанию⁶. Не питали чехи безумной и дикой вражды к народу немецкому не только во дни своей славы, но и во времена террора, в темные периоды гонений и иступлений неистовых изуверов, вроде Фердинанда II или езуита Антония Коняна (†1760 г.)⁷, который на

³ Сигизмунд I Люксембург (1368–1437) – император Священной Римской империи (1433–1437 гг.), возглавивший борьбу против гуситов, один из организаторов Констанцкого собора (1414–1418 гг.).

⁴ Этот Собор имел место в 1419 г. и был посвящен вопросу о борьбе с еретиками, под которыми действительно подразумевались последователи Дж. Уиклифа и Я. Гуса.

⁵ Указание неточное: Ульрик Грюнледер был сожжен в Регенсбурге.

⁶ *Примечание Ламанского*: Один из деятельных членов Базельского собора и вместе его историк, знаменитый испанец Иоанн де Сеговия говорит в своем перечне побудительных причин созыва Собора: «Accidit rursum his diebus publicatas fuisse etiam usque ad Hispaniam plurimas copias diversarum et diffusarum epistolarum Bohemorum ex parte» etc. (Palacky. D. III. Č. 2. Str. 111.).

Примечание публикаторов: Перевод фразы: «Случалось, что в те дни постоянно в Испании публиковались многочисленные копии разнообразных и распространенных писем из страны Богемцев».

⁷ *Антоний Коняш* (1691–1760) – чешский иезуит, известный своими яркими антиеретическими проповедями. Вошел в историю как страстный борец против еретической литературы, уничтожив около 60 тыс. книг.

смертном одре вспоминал, как о святейшем своем подвиге, о том, что он собственноручно сжег до 60000 гуситских чешских книг. Как в минуту этого, так сказать поэтического, гнёта, так и в прозаический период Гезантфатерланда⁸, всегда чехи испытывали сильное гонение со стороны немецкой стихии, тогда торжествовавшей. Но и в известных современных протестах благородных защитников чешской народности вы слышите глубокую скорбь, подавленные вопли души, болеющей от всяких неправд, но никогда не поддающейся безумной злобе мщения, жестокому желанию немцам испытать то от славян, что те испытали от них. После несчастной Белогорской битвы (1620 г.), когда Чехия была совершенно отведена в немецкую неволю, не без участия поляков, которые, не слушая увещаний и предсказаний чехов, ходили помогать цесарю, и действительно оказали огромную услугу, и так, после Белогорской битвы, когда Чехия совершенно прикреплена была к немцам, славянская стихия в чехах подверглась страшным гонениям. До нас дошёл от XVII в. один политический пам-

⁸ Правильно: *Гезамтфатерланд* (Gesamtvaterland) – австрийская идея единой родины для разных народов на основе одного культурного стандарта (немецкого) и, следовательно, единой нации, составленной из многих частных народов. Для славянофилов Австрийская империя (как и Турция) была примером искусственного государственного объединения, которое основывалось не на органическом соединении народов в единое политическое целое, а на их силовом подчинении одному – чуждому – национальному элементу. Механическому единству Австрийской империи и ее *имперской*, т. е. искусственной, национальности славянофилы противопоставляли органическое единство, вырастающее из недр народной жизни и народного быта, что составляло основу славянофильской идеи *народности*. Мировоззрение В.И. Ламанского в этом контексте вполне гармонирует с такими словами И.С. Аксакова: «Три года сряду неутомимо повторялось в “Дне”, вслух нашего общества, что “условие государственного единства состоит не во внешнем единообразии форм и учреждений, не в большей или меньшей крепости звеньев той внешней государственной связи, которая держит и сплачивает все части государства, но в силе и живучести внутреннего объединяющего начала. Это объединяющее начало – есть народность, условие жизни и силы всякого государства, – вот чего не забывать просили мы наших патриотов. Неужели еще есть люди, говорили мы, которым надо доказывать, что Россия не сочлененный, составленный “агрегат” в род искусственного Австрийского гезамтфатерланда, в котором по штату не полагаются никакой живой народной индивидуальности, а взамен ее имеет существовать какая-то отвлеченная национальность имперская, – национальность, которой единый живой принцип и вероисповедание есть верноподданничество Австрийскому императору? <...> Неужели еще нужно доказывать, что всякое государство может быть крепко только внутреннею органическою силою, которая и есть – народность? <...> ... что никакое государство никогда не должно опускать из виду зерно своей жизни и силы, истинный родник, причины и основы своего бытия ...? Неужели еще не ясно, что если бы эта сила перестала действовать или почему-либо ослабла в действии, если бы от какой бы то ни было причины произошло расстройство органических отправления или непомерное развитие одного органа в ущерб другому (например, внешнего покрова, т. е. государства, на счет всего тела), то государство, при всем своем наружном блеске и могуществе, не представляло бы залогов истинной крепости и долгоденствия, и не удержало бы своего единства?» (см.: Аксаков И.С. В чем залог прочного развития и единства России? // Аксаков И.С. Полное собрание сочинений. Славянофильство и западничество, 1860–1886 статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси». Т. 2. М., 1886. С. 308).

флет, написанный чехом Бальбином⁹, тайно ходивший в то время по рукам и принадлежавший к тогдашней подземной, рукописной литературе. Лучшим свидетельством его силы, значения и достоинства, может, кажется, служить то обстоятельство, что Пельцель¹⁰, издавший его почти через сто лет по смерти автора, притом оговорившийся, что он издал его, как памятник старины, Пельцель посажен был за это на несколько дней под арест. Этот памфлет замечателен ещё тем, что обличает собою великое и благотворное действие чувства народности. Бальбин, конечно, всячески старавшийся в своём памфлете удалить малейшее о себе подозрение и скрыть своё имя, Бальбин был езуитом, или лучше, принадлежал к этому ордену, но, к чести своей, не разделял ни одного из дрянных и грязных правил этого учреждения. В этом памфлете Бальбина, как ни жутко приходилось тогда чехам от немцев, вы не замечаете и следа дикой вражды и безумной ненависти к немецкому народу. В своём памфлете, писанном на латинском языке (Boh. Balbini Disertatio apologetica pro lingua Slavonica praecipue Bohemica, adclarissimum virum Th. Cz. Opus postumum. Pragae. 1775.), Богуслав Бальбин, родившийся в год прикрепления чехов к немцам (1620 г. Белогорской битвы), в числе причин исчезания славянской народности и языка в чехах, приводит: пренебрежение старых уставов, которые предписывали каждому гражданину Чехии в непремennую обязанность знакомство с языком чешским; недостаток патриотизма в дворянстве чешском, которое легко подкупается ласками двора и наградами, совершенно равнодушно к тому, возвышаются ли на известные места лю-

⁹ Богуслав Бальбин (1621–1683) – чешский патриот и политический мыслитель. Главная работа Бальбина – *Miscellanea historica regni Bohemiae* («Разнообразная история богемского королевства») – была издана при его жизни лишь частично и осталась незаконченной. Б. Бальбин является автором знаковой для чешского национального возрождения XIX в. работы «Апологетическое рассуждение в пользу славянского языка, преимущественно Богемского», которую В.И. Ламанский ниже цитирует. Оригинальное название этой работы – *De regni Bohemiae felici quondam, nunc calamitosa statu...* («О Богемском королевстве, некогда счастливом, а теперь бедствующем...»). Под указанным названием («Апологетическое рассуждение в пользу славянского языка, преимущественно Богемского») в 1775 г. издал это сочинение М. Пельцель. Следует отметить при этом, что Б. Бальбин писал на латинском языке. В 1869 г. в Праге вышел чешский перевод Э. Тоннера (см. лат. издание, цитируемое Ламанским: Balbini, Bohuslai Dissertatio Apologetica pro lingua Slavonica. Praha, 1775. – 165 + I-IV). (Далее указание страниц в скобках дает по этому изданию). Ламанский находит у Бальбина выражение принципа *народности*, который являлся основанием политической философии славянофилов (Р. 52). Важным элементом понимания народности у Ламанского является признание важности языка как языка культуры народа. В оценке деятельности Бальбина также обращает на себя внимание акцент на мысли об отсутствии патриотизма у чешских дворян, которые тяготеют к иностранной культуре. Мысль о «ненародности» дворянства и интеллигенции являлась важнейшим положением славянофильства, которая была высказана уже у А. С. Хомякова (статья «Мнение иностранцев о России»). О Бальбине см. также энциклопедическую статью В.И. Ламанского: Бальбин, Богуслав-Алоизий, чешский историк // Русский энциклопедический словарь, издаваемый профессором С.-Петербургского университета И. Н. Березиным. Отд. I. Т. III. Вып. I. СПб.: тип. т-ва «Общественная польза», 1873. С. 169.

¹⁰ Пельцель Франтишек Мартин (1734–1801) – чешский филолог, историк, писатель, профессор Карлова университета в Праге.

ди честные, благородные или какие-нибудь проходимцы без стыда и чести. Далее он говорит о новых постановлениях, по которым все законы пишутся по-немецки, и о запрещении переводить их по-чешски, что приносит, прибавляет он, очевидный вред чехам. Виновников этих новостей Бальбин называет, в насмешку, отцами отечества. «И эти-то отцы отечества, из-за того ли, чтобы отомстить свои личные обиды и своих предков, или из-за других причин, наверное не знаю, стали убеждать цесарей, что надо истощить Чехию, налогами и податями выжимать пот и кровь бедного народа, и что особенно нужно заботиться об искоренении старого языка, при котором чехи никогда не полюбят немецкого государя, верность их не будет твёрдою и постоянною; я сам слышал не от одного из них, что лучше всего было бы всех старых жителей Чехии (Богемии) изгнать вон; этим бы был положен конец всяким возмущениям. Они грезят о мятежах, ждут их, стараются убедить высшие власти, чтобы они безнаказанно растаскивали богатые имения знатных и забирали бы себе деньги, добытые потом, слезами кровью поселян и граждан; как будто Чехия недостаточно доказала свою верность государю во время войны Мансфельдские, Саксонские и Шведские»¹¹. «Сеянам, Маккиавеллиянам и их подражателям принадлежит такого рода образ действий: покойную жизнь монарха возмущают страшными заботами и, себя выдавая за дивных, с неба упавших слуг государевых, любовь, почтение и преданность народа к государю омрачают подозрениями, Бог ведает в каких намерениях отложения, которых будто бы всегда надо опасаться; тут народ видит уже, что он не любим, а ненавидим, не воспomoществуем, а угнетаем; таких савонников яркими красками обрисовали славные писатели своего времени – Гвиччардини и Коммин. Невероятно, до чего доходит их бдительность и заботливость о поступках тех, которых гнетут они; как они пользуются тысячами ушей и глаз, тысячами разных средств; все их попечения посвящены не благу отечества, а его гибели; велико в том нечестие, ибо кто губит отечество, тот более преступен, нежели материубийца; в наше время столько представлено нам свидетельств, что кто их не видит, тот ничего не видит; нет для них, говорит Фукидид, иной славы, кроме личного спокойствия, все для них честно, лишь бы сохранить свое господство; смешивают области правосудия и верховной власти; говорят, что не монарх для народа, а народ для него существует, утверждают, что он может всё, что ни захочет, делают противно законам Божеским и человеческим; им ненавистен всякий человек свободный, говорящий правду государям; ими заподозривается всякое лицо сильное, считаются опасными браки знатных»¹².

¹¹ *Balbín B. Rozprava na obranu jazyka slovanského, zvláště pak českého. Praha: Nákladem spolku pro vydávání laciných knih českých, 1869. S. 37–38.*

¹² *Ibid. S. 39–42.* В цитате имеется в виду *Луций Элий Сеян* (лат. *Lucius Aelius Seianus*) (ок. 20–31 г. до н.э.) – римский политический деятель. Префект преторов, одно время приближенный к императору Тиберию. Тиберий сделал Сеяна консулом. Тацит обвиняет Сеяна в убийстве Друза Младшего, сына Тиберия, а также в планировании убийства всего потомства Тиберия и всего рода Юлиев Клавдиев. Впоследствии Сеян был казнен на основании обвинений Тиберия. *Никколо*

Далее, Бальбин продолжает: «Принимают иностранцев, патриотов всячески тревожат или им вредят, не говоря уже о другом; людям этим, так убийственно губящим отечество и все сословия, обратившим их в крайнюю нищету, чего, спрашиваю остается бояться и ожидать, какое получить достойное наказание, как ни предать своего имени на проклятие потомства. Они, – говорит Бальбин, – в злобе своей только и твердят, что о заговорах, слово – заговор не сходит с их языка; рощи, леса, пригорки, деревья, их листья и ветви всё шепчет и кричит им: заговор, заговор! Следуя наставлениям Макиавелли, прекрасно, впрочем, опровергнутого славными политическими писателями: Липсием, Сципионом Аммиратом и другими, – они настаивают на необходимости всё истреблять на этой подозрительной земле, разрушать замки, города и местечки, попускать падение старинных построек и не давать исправлять их, с народом поступать, как с будущим неприятелем, жестоко и насильственно, а если покажется недостаточным, то не щадить в отношении его ни обманов, ни лукавства, ни хитростей»¹³. В эти времена славянская народность была предметом самых диких, самых безумных преследований. Иностранцы, немцы *несли* тогда Чешскую землю *розно*; Бальбин убеждает дворянство туземное не пренебрегать родным языком, а правительство управлять чехами через чехов, а не немцев, и в то же время отклонять от себя всякую тень подозрения в ненависти к последним. «Я утверждаю, – говорит Бальбин, – что туземцы должны иметь в отечестве первый доступ к почестям; это предписывается самую справедливостью, с которою согласны все законы божеские и человеческие, все указы монархов, все частные и общественные уставы всех государств; обращаться же к иностранцам только в том случае, когда не отыщется достойных людей из среды туземцев или граждан. Мы любим все народы, никакого не презираем, тем не менее ненавидим, однако и не разделяем нелепого предрассудка о том, что людям нашего рода и нашего языка не должно давать никаких государственных должностей; *pars libertatis est*, говорит мудрый Тацит, а *suis gubernari* (т. е. управляться своими соотечественниками есть своего рода свобода), кроткая власть назначает туземцев на государственные должности: правления, переходящие в тиранию, в

Макиавелли (1469–1527) – итальянский государственный деятель, писатель, философ. Автор важнейшего в истории политической философии трактата «Государь», за которым европейская политическая мысль закрепляет идею разделения морали и политики, отчего предполагается, что последняя допускает применение любых методов (вплоть до полностью несовместимых с моралью) ради достижения и удержания власти. *Франческо Гвиччардини* (1483–1540) – итальянский политик, дипломат, писатель и историк, друг Макиавелли. Автор важнейших сочинений по истории Италии: «История Флоренции» (1509 г.) и «История Италии» (1537–1540 гг.). По многим вопросам не соглашался с Макиавелли. *Филипп де Коммин* (1447–1511) – французский политический деятель фламандского происхождения. Автор знаменитых «Мемуаров», в которых дается описание правления Карла Смелого и Людовика XI, а также испанского похода Карла VIII.

¹³ *Ibid.* S. 43–45. В цитате имеются в виду: *Юст Липсий* (1547–1606) – нидерландский философ, политический мыслитель и филолог. Основатель неостоицизма. *Сципион Аммирато* (1531–1601) – флорентийский историк. В своих трудах критиковал Н. Макиавелли. Главный труд: «История Флоренции» (в 2 ч.), содержащая ценные сведения по этому вопросу.

числе тягостей, которыми обременяют народ, искореняют его язык, отдают своих подданных под ярмо иностранцев»¹⁴. Бальбин, заметив, что в некоторых религиозных обществах положено за правило не обращать никакого внимания на род и племя человека, говорит, однако, что этого нельзя одобрять, так как за это паства часто не слушает своих пастырей, не любит их, как иностранцев. Бальбин замечает, что государство не надо смешивать с церковью. «Велика и неблагоприятна ошибка – допускать владычество иностранцев в государстве; не трудно доказать историческими примерами, что такой обычай приводит к большим замешательствам, как то доказал недавний пример правления итальянца кардинала Мазарини на живом и горячем французском народе. Как в божественном управлении вселенной ангелы поучаются ангелами, люди же управляются не ангелами, а людьми, так точно, сохраняя известное соотношение и следуя примеру божества, которое всё держит мудро и благостно, поступают и монархи, и другие мудрые правители народов, назначая в управление страну людей к народу благорасположенных, связанных с ним сознанием единства языка и происхождения»¹⁵. В заключении, Бальбин указывает на Спасителя, пославшего своих учеников во все концы мира проповедовать народам слово Божие на их отечественных языках, применяясь к их понятиям, нравам и обычаям.

Не должно думать, что немецкая стихия таким образом торжествовала в Австрии над одними чехами; она также разрушительно действовала и на других славян, например, хорватов; но и у них, как и у чехов, если и вырывались иногда крики мщеничества, то большею частью из груди отдельных лиц, в минуты сильного негодования. Но вражды фанатической к немецкому народу нет у хорватов, как и у чехов. Если хорват и *мрзи шваба*¹⁶, то не как человека иной с ним крови, а как своего угнетателя, в лице австрийского чиновника и жандарма. Конечно, в народе ходят пословицы и поговорки, иногда весьма бранные и ругательные, о немцах, но нельзя же и забывать, что такие поговорки встречаются более или менее у всех народов, и, прощая итальянцам сицилийские вечерни, несправедливо было бы не простить хорватам некоторых резких выходов, диких для нас только потому, что история навсегда нас поставила выше всякой вражды к какой бы то ни было чужой национальности. Несправедливо, говорю, не прощать того хорватам, когда вспомним хоть один из сотни подвигов австрийской проповеди, обращавшей славян в немцев, с одной, и покорных чад езуитов и папы, с другой стороны. Не неверно замечено, что судьба некоторых фамилий нередко представляет собою в малом виде судьбу целой страны. Любопытна в этом отношении история знатной и богатой венгерско-хорватской фамилии Зриниев. Юрий Зриний¹⁷, честный патриот и протестант умер в 1603 году, 54 лет от роду. Сын

¹⁴ Ibid. S. 33.

¹⁵ Ibid. S. 34–35.

¹⁶ Ненавидит шваба, т.е. немца.

¹⁷ Юрий IV Зринский (1549–1603) – граф, был казначеем (magister tavarnicorum) в Хорватском государстве.

его, Юрий¹⁸ же, бан хорватский, умер от яду. Старший сын последнего, Николай¹⁹, бан хорватский и поэт мадьярский, убит на охоте, или, как некоторые пишут, *разорван вепрем*; младший его сын, Петр, бан и поэт хорватский, поплатился головою за свою любовь к свободе²⁰. Адам²¹, сын Николая, в сражении с турками 1681 г., *был застрелен своими*, а незадолго перед тем, его мать, жена Николая, заключила письменный договор с вараждинскими езуитами о том, что она, как большая любительница церковной музыки, обязуется отказать 40000 флоринов благочестивым отцам, буде сын её Адам умрёт скоропостижно, без завещания. Езуиты получили эту сумму. Иван Валтасар²², сын Петра, окончил свою жизнь в 1703 г. в каземате Тирольской крепости – Раттенбург, лишившись в двадцатилетнее своё заключение языка и рассудка. Вдова Петра, рождённая княжна Франкопан²³, умерла в темнице. Елена²⁴, дочь Петра, сестра Валтасара, умерла изгнанницею в Азии, в том же 1703 году. Две другие дочери провлачили свою жизнь под затвором в женском монастыре²⁵. После падения этой фамилии, в земле Хорватской замерло всякое движение в жизни политической, народной и литературной, что, конечно, и требовалось. Приведением таких возмутительных данных, мы не ненависть желаем возбуждать в читателе, а хотели бы показать, что есть в Европе свои негры, только белые.

¹⁸ Юрий V Зринский (1599–1626) – бан Хорватии, участник Тридцатилетней войны. Был отравлен в Прессбурге по указанию А. фон Валленштейна.

¹⁹ Николай Зринский, или же Миклош Зриньи (1620–1664) – хорватский и венгерский политический деятель, поэт, бан Хорватии. Действительно погиб во время охоты на вепря.

²⁰ Петр Зринский, или же Петр Зриньи (1621–1671), – хорватский политический деятель, поэт, бан Хорватии. Был участником антигабсбургского заговора Зринских-Франкопана, после раскрытия которого был вместе с Ф. К. Франкопаном казнен. Фактически раскрытие Заговора и последующие события привели к разгрому рода Зринских.

²¹ Адам Зринский (1662–1691) – хорватский граф, один из последних представителей мужской линии Зринских. Был убит во время битвы при Сланкамене в ходе Великой турецкой войны (1683–1699) от выстрела своего солдата. Его матерью, о которой упоминает Ламанский, была австрийская баронесса Мария София Лёбль, вторая жена его отца Николая Зринского.

²² Иван IV Антун Балтазар Зринский (1654–1703) – последний представитель рода Зринских по мужской линии. В юношестве пережил смерть отца, казненного за участие в заговоре Зринских-Франкопана. Результатом провала заговора для Ивана-Антуна стало последующее двадцатилетнее заключение в Раттенбурге в Тироле и в замке Шлоссберг в Граце, где он, истощенный, потеряв рассудок, умер в 1703 г.

²³ Ана Катарина Зринская (1635–1673) – графиня, представительница хорватского рода Франкопанов. После провала заговора Зринских-Франкопана была заключена в тюрьму в городе Брукк-ан-дер-Мур. Тем не менее позднее была заточена в доминиканском монастыре в Граце, где и скончалась.

²⁴ Елена Зринская, или же Илона Зриньи (1643–1703), – жена трансильванского князя Ференца I Ракоци, затем, после его смерти, – венгерского политика Имре Тёкёле. Последние годы жизни провела в заточении в монастыре, затем была сослана в Турцию, где умерла.

²⁵ Юдита Петронела (1652–1699) – почти всю жизнь была монахиней, скончалась в загребском монастыре клариссинок. Аврора Вероника (1658–19 января 1735) – почти всю жизнь была монахиней, скончалась в монастыре урсулинок в Клагенфурте. Последние представители рода Зринских.